

RU

Функции прецедентных феноменов в немецкоязычном художественном дискурсе

Силаева Е. М.

Аннотация. Цель исследования – определить функции прецедентных феноменов, выявленных в текстах современной немецкоязычной художественной литературы. Прецедентные феномены рассматриваются автором статьи как компоненты художественного дискурса, имеющие важнейшее значение при передаче культурных смыслов, принадлежащих общему когнитивному пространству писателя и читателя. Используя в своих произведениях прецедентные феномены, писатель подразумевает, что читатель не только понимает, о чём речь, но и находится с писателем на одной интеллектуальной, эмоциональной волне, может оценить содержание произведения (фрагмента), исходя из общего с автором понимания культурных смыслов прецедентного феномена. Научная новизна исследования заключается в определении контекстуального значения и функций прецедентных феноменов в конкретных текстах современного немецкоязычного художественного дискурса, позволяющего установить контакт между адресантом (автором) и адресатом (читателем), основанный на общем культурном фоне. В результате анализа выявленных прецедентных феноменов установлено, что они используются как эффективный инструмент воздействия на читателя, как способ произвести на него нужное впечатление, а также как возможность ярче и глубже раскрыть характеры героев, обосновать их действия и поступки. Благодаря прецедентным феноменам писатель имеет возможность убедительно изобразить эпоху, повысить уровень достоверности фикционального текста, а также дать соответствующему периоду истории ту или иную оценку.

EN

Functions of precedent phenomena in German-language fictional discourse

Silaeva E. M.

Abstract. The aim of the study is to determine the functions of precedent phenomena identified in the texts of modern German-language fiction. Precedent phenomena are considered by the author of the article as components of fictional discourse that are of paramount importance in the transfer of cultural meanings belonging to the common cognitive space of the writer and the reader. Using precedent phenomena in the texts of his/her literary works, the writer implies that the reader not only understands what it is about, but is also on the same intellectual, emotional wavelength with the writer, can evaluate the content of the literary work (text fragment) based on a common understanding of the cultural meanings of a precedent phenomenon. The scientific novelty of the study lies in determining the contextual meaning and functions of precedent phenomena in specific texts of modern German-language fictional discourse, which allows establishing contact between the addresser (author) and the addressee (reader) based on a common cultural background. As a result of the analysis of the identified precedent phenomena, it has been found that they are used as an effective tool for influencing the reader, as a way to make the right impression on him/her, as well as an opportunity to reveal the nature of the main characters in a deeper and more vivid manner, to justify their actions and deeds. Thanks to precedent phenomena, the writer has the opportunity to convincingly depict the historic period, to increase the level of believability of the fictional text, as well as to give one or another assessment to the corresponding period of history.

Введение

Широкое использование прецедентных феноменов – один из ярких признаков современной художественной литературы, который свидетельствует об «интертекстуальности современного языкового пространства» (Крылова, 2017, с. 32). Оно насыщено важными для коммуникантов текстами, в которых описываются

ситуации, упоминаются имена, относящиеся к предыдущим этапам развития этноса и его культуры и при этом являющиеся не менее значимыми и для современного этапа. Внимание к исследованию прецедентных феноменов определяется антропоцентрическим характером современного языкознания, тем, что в качестве точки отсчёта при анализе той или иной языковой единицы принимается человек, его представления об окружающей действительности, его мировоззрение и культура.

Выявление и анализ прецедентных феноменов становится для современного читателя важнейшим фактором адекватного восприятия художественного текста, без которого сложно понять мировоззренческие позиции автора, его интенции в прагмалингвистическом ракурсе.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью определения роли конкретного прецедентного феномена, выявленного в контексте отдельного художественного произведения, что позволяет раскрыть его лингвокультурологическую и прагмалингвистическую значимость. На наш взгляд, только переходя от частных случаев анализа к их обобщению, возможно увидеть определённые закономерности реализации какого-либо явления в лингвистике и осмыслить его на более высоком теоретическом уровне. При этом необходимо учитывать, что прецедентные феномены, связанные с соответствующими этапами развития национальной и мировой культуры, возникая в новых художественных текстах, актуализируют смыслы, важность которых в современном мире раскрывается по-новому. Не в последнюю очередь поэтому материалом нашего исследования выбраны тексты современной немецкоязычной литературы, в которых хорошо известные факты или имена получают не традиционную оценку, а вызывают ассоциации, непосредственно связанные с актуальным моментом создания текста.

Для достижения поставленной цели мы сосредоточили наше внимание на решении следующих задач:

- проанализировать теоретические труды по описанию прецедентных феноменов;
- выбрать из представленного материала прецедентные феномены и определить их роль и взаимосвязи с культурными смыслами эпохи создания данных художественных текстов;
- описать значение (декодировать заложенную культурную информацию) и определить функции прецедентных феноменов в представленных художественных текстах.

Теоретической базой нашего исследования послужили труды В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой (1994), Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова (1989; Караулов, 1987), В. В. Красных (1997; 2021; Язык, культура..., 2020), Г. Г. Слышкина (2000) и Д. Б. Гудкова (2020), занимавшихся изучением прецедентных феноменов как языковых единиц, транслирующих культурные смыслы, разрабатывавших их классификации и определивших их значимость для различных видов дискурсов, в том числе для художественного. Кроме того, учитывались работы Н. В. Смыкуновой (2003), А. К. Киклевича (2018) и Е. Н. Лучинской (2020), изучавших тексты художественной литературы эпохи постмодернизма, а также публикации И. А. Шиповой (2014), В. А. Масловой (2000; 2014), О. А. Костровой, Е. В. Беспаловой, Ю. А. Блиновой и О. В. Омелькиной (2021), посвящённые рассмотрению художественных текстов в лингвокультурологическом ракурсе. Результаты теоретических трудов вышеперечисленных исследователей позволили нам представить явление прецедентности, её роль в актуализации национально-культурной идентичности создателя художественного текста и его реципиента на лингвопрагматическом уровне. Опираясь на положения основоположников лингвокультурологии, мы старались показать, что прецедентные феномены, входящие в общий фонд языковой личности, не только могут иметь различные формы, а значит, по-разному осознаются носителем определённого языка и культуры, но и отражают с помощью языка движение человеческой мысли, непосредственно связанной с эмоциональной сферой жизнедеятельности.

В качестве материала данного исследования использовались тексты произведений современных немецкоязычных авторов: роман «Чтец» (1995) Бернхарда Шлинка (Schlink B. *Der Vorleser*. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1995), роман «Ночь чудес» (1996) Уве Тимма (Timm U. *Johannisnacht*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1998) и роман «Измеряя мир» (2005) Даниэля Кельмана (Kehlmann D. *Die Vermessung der Welt*. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2005).

Для осмысления роли прецедентных феноменов в перечисленных текстах были использованы методы контекстуального, лингвостилистического и культурологического анализа, сравнительно-исторический и социокультурный методы.

Практическая значимость предлагаемого материала состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания курса лингвокультурологического анализа немецкоязычного текста, а также в разработке специальных курсов, посвящённых творчеству современных немецкоязычных авторов.

Переходя непосредственно к теме данной публикации, прежде всего отметим, что благодаря обращению к антропоцентрической парадигме в лингвистике учёные с особым интересом стали рассматривать человека как многогранную языковую личность, находящуюся в центре внимания культуры и культурной традиции. Осознавая древний постулат о том, что человек есть мера всех вещей, мы выстраиваем в своём сознании антропоцентрический порядок вещей, который определяет нашу духовную сущность, мотивы наших поступков, иерархию ценностей, что становится очевидным при изучении человеческой речи. Мы не можем существовать вне языка и вне нашей способности к порождению и восприятию речи, что позволяет отнести язык и речь к основополагающей, конституирующей человеческой и личностной характеристике. Создаваемые человеком тексты отражают движение человеческой мысли и способы её определения с помощью средств языка.

В рамках антропоцентрической парадигмы с конца XX века язык стали рассматривать как важную составную часть культуры и условие её существования, как фактор формирования культурных кодов. Этот подход позволил зародиться и начать активно развиваться такой области научных исследований, как лингвокультурология,

представляющей собой комплексную научную дисциплину, объединяющую в себе лингвистику и культурологию и изучающую то, как культура народа проявляется и закрепляется в его языке (Маслова, 2000, с. 7).

Предметом изучения в лингвокультурологии становятся языковые единицы, несущие в себе культурную информацию, которая является результатом деятельности архетипического и прототипического сознания человека и которую можно найти в фольклоре, текстах художественной литературы, мифах, метафорах, паремииологическом фонде языка, в традициях, обычаях, ритуалах и т. п. Эти языковые единицы могут быть выражены различными семантическими группами реалий: ассоциативными, историческими, этнографическими, ономастическими и т. п. К ассоциативным реалиям можно отнести фразеологизмы, идиомы, метафоры, образы, прецедентные феномены, номинацию стереотипов и т. д.

Обсуждение и результаты

В рамках данной статьи мы рассматриваем прецедентные феномены, которые понимаются лингвистами как «единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» (Смыкунова, 2003, с. 52). Прецедентными феноменами передаётся культурно значимая информация, которая присутствует в культурном фонде говорящего/пишущего (адресанта) и адресата. Одним же из наиболее актуальных для современной лингвистики вопросов, по нашему мнению, является вопрос о функционировании прецедентных феноменов, об их использовании в речи вообще и в художественной литературе в частности.

Поэтому целью нашего исследования (и данной публикации) стал анализ реализации прецедентных феноменов и их функций в немецкоязычной художественной литературе с точки зрения лингвокультурной значимости, которой они обладают в художественном дискурсе.

Мы определяем художественный дискурс как совокупность литературно-художественных текстов, воспринимаемых как коммуникативные образования, имеющие целью реализацию эстетических и духовных функций, адекватное восприятие которых неразрывно связано с учётом экстралингвистических факторов (знаний о мире, мнений, установок, целей адресата, его национального менталитета и т. д.) (Караулов, Петров, 1989, с. 8). Это комплексное понятие, вбирающее в себя произведения художественной литературы всех жанров и видов, говоря о котором, мы тем не менее всегда подразумеваем некий конкретный художественный текст, изобилующий различными лингвокультурными элементами, и в том числе прецедентными именами, текстами, высказываниями.

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова считают, что лингвокультурные тексты «имеют историко-культурную, страноведческую ценность» (1994, с. 73) для языковой личности. Использование в художественном тексте прецедентного высказывания вызывает в памяти адресата тот текст (ситуацию, имя), к которому это высказывание относится и к которому апеллирует говорящий. Писателя и читателя связывают знания из общего культурного фонда (Маслова, 2014, с. 51-52), то есть они обладают схожими, но при этом не полностью одинаковыми когнитивными базами.

Немаловажным вопросом функционирования прецедентных феноменов является их использование в современном немецком языке, в частности в немецкоязычном художественном дискурсе. В каждом конкретном употреблении прецедентные феномены и их культурное содержание подвергаются воздействию и трансформациям со стороны автора текста, который в своём произведении является главным транслятором и интерпретатором культурно значимой информации. Кроме того, на использование прецедентных феноменов влияют ситуация, события в обществе, появление новых трактовок у традиционных для культуры этноса явлений и другие факторы.

Продемонстрируем, как проявляется авторская интерпретация прецедентных феноменов в отрывке из романа «Измеряя мир» („Die Vermessung der Welt“) австрийского писателя Даниэля Кельмана. Как любое произведение эпохи постмодерна (будь то литература, кинематограф, живопись или любой другой вид искусства), оно наполнено многочисленными интертекстуальными вставками (Киклевич, 2018; Лучинская, 2020).

Сам сюжет, выбранный автором, посвящён двум величайшим историческим личностям Германии – математику Карлу Фридриху Гауссу (1777-1855) и натуралисту и путешественнику Александру фон Гумбольдту (1769-1859) – и представляет собой авторскую интерпретацию событий, якобы происходивших в реальности. Спекулирование известными историческими фактами, переложение реальных историй о выдающихся людях, их жизни и приключениях – один из излюбленных приёмов авторов-постмодернистов. Вряд ли возможно наверняка определить степень аутентичности происходящего, но у читателя создаётся иллюзия подлинности сказанного (Шипова, 2014, с. 188).

Как мы отмечали выше, в тексте романа есть множество интертекстуальных вставок, представленных в форме прецедентных феноменов. Например, вольный пересказ устами одного из персонажей, А. фон Гумбольдтом, широко известного стихотворения великого немецкого поэта И. В. Гёте «Ночная песня странника» („Wanderers Nachtlied“):

Aber er könne das schönste deutsche Gedicht vortragen, frei ins Spanische übersetzt. Oberhalb aller Bergspitzen sei es still, in den Bäumen kein Wind zu fühlen, auch die Vögel seien ruhig, und bald werde man tot sein (Kehlmann, 2005, S. 124). / Но он может продекламировать самое прекрасное немецкое стихотворение в свободном переводе на испанский: над горными вершинами царит тишина, в листве деревьев – ни ветерка, птицы не поют, и скоро придёт смерть (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. С.).

Смысловые искажения введённого в повествование интертекста есть не что иное, как авторское прочтение, результат интерпретации самим Кельманом известных слов Гёте: *Warte nur, balde / Ruhest du auch. / Подожди немного, скоро и ты отдохнёшь*, которые совсем не говорят о скорой кончине, однако контекст делает такое понимание возможным.

Использование в текстах художественной литературы прецедентных феноменов само по себе имеет лингвокультурный смысл: с их помощью автор транслирует фрагмент своих знаний о культуре, истории, литературе, подразумевая, что адресат текста обладает аналогичными (схожими) представлениями, и рассчитывая на понимание адресатом глубоких смыслов, зафиксированных в относительно краткой языковой единице (фрагменте текста).

Поэтому мы отмечаем, что художественный дискурс всегда двунаправлен, поскольку художественная коммуникация невозможна в одной плоскости. С одной стороны, он выражает эмоции, переживания, субъективное видение писателя, его оценку, взгляды, суждения, которые обусловлены его менталитетом, миропониманием, принадлежностью к тому или иному лингвокультурному сообществу. С другой стороны, восприятие художественного текста связано с некоторыми трудностями, поскольку его адекватная интерпретация требует от читателя наличия определённых фоновых знаний, развитой культурной компетенции, особенно если речь идёт об иноязычном художественном произведении (Кострова, Беспалова, Блинова и др., 2021, с. 112-113).

Таким образом, прецедентные феномены становятся в художественном тексте единицами, которые связывают автора и читателя, способствуют установлению между ними взаимопонимания на культурном уровне.

Приведем ещё один пример из романа Д. Кельмана:

Der Jüngere nickte, holte Luft und trat auf den See. Er überlegte, ob er Klopstocks Eislaufode rezitieren sollte (Kehlmann, 2005, S. 22). / *Младший кивнул, набрал в лёгкие побольше воздуха и ступил на лёд, сковавший озеро. Он раздумывал, не продекламировать ли ему оду Клопштока о катании на коньках.*

Зная оды знаменитого немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока, читатель должен провести параллели между темой описания в романе XXI века, эпохой Просвещения в Германии и зимней природой, связанной с изображением детства К. Ф. Гаусса и А. фон Гумбольдта. Мы видим, что через погружение в общий с читателем культурный фонд автор данного художественного текста транслирует с помощью прецедентных феноменов культурно значимые смыслы, подразумевая, что они существенны не только для него, но и для читателя. Это делает смысл, передаваемый художественным текстом, более понятным для читателя и близким ему, поскольку позволяет соединить уже имеющееся в культурном поле с новым его прочтением. Стоит также отметить, что писатели, как правило, стараются оперировать теми прецедентными феноменами, которые обладают большой культурной значимостью для читателя и могут потенциально оказать на него сильное впечатление.

Такие лингвокультурологические элементы, как прецедентные феномены и отсылки к литературным текстам прошлых лет, нередко используются современными авторами также для того, чтобы ярче и глубже раскрыть характеры главных героев, обосновать их действия и поступки.

Приведём пример из другого известного немецкоязычного произведения, знакомого многим не только благодаря прекрасной книге, но и фильму с Кейт Уинслет в главной роли, получившей за неё премию «Оскар». Речь идёт о романе немецкого писателя Бернхарда Шлинка «Чтец» („Der Vorleser“). Роман рассказывает о дружбе и любви юного 15-летнего Михаэля Берга и 36-летней Ханны Шмиц, поднимает табуированные темы невинности, отношений между людьми с большой разницей в возрасте, переосмысления Холокоста и Второй мировой войны, нацистского режима в Германии и искупления вины. Роман охватывает почти 40 лет, представляет жизнь нескольких поколений немцев.

Ich sah Felix Krull am Ende gern in den Armen der Mutter statt der Tochter (Schlink, 1995, S. 40). / *Я предпочитал увидеть в конце Феликса Круля в объятиях матери, а не дочери.*

В контексте повествования упоминается прецедентная ситуация, отсылающая к незаконченному роману немецкого писателя Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» („Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull“). Феликс Круль являл собой образ обаятельного жулика и авантюриста, прототипом которого послужил реальный человек, известный в начале XX века румынский самозванец, отелный вор и брачный аферист Жорж Манолеску. Работа над романом была прервана смертью Томаса Манна в 1955 году, что способствовало появлению среди читателей и критиков различных вариантов завершения произведения, что мы и отмечаем у Шлинка, когда Михаэль рассуждает о том, в чьих объятиях хотел бы видеть Феликса Круля – матери или дочери. Бернхард Шлинк через своего главного героя Михаэля Берга обращается к сюжету о соблазнении Крулем обеих женщин одной семьи, тем самым давая характеристику и своему персонажу. Михаэль экстраполирует свою связь с Ханной, которая на много лет старше него, на отношения героев романа Манна, и признаётся, что объятия матери (взрослой дамы) были бы предпочтительней для него. Тем самым мы видим мальчика, со всей серьёзностью увлечённого взрослой женщиной и не обращающего внимание на сверстниц, что и подтверждается в дальнейшем, когда автор описывает взаимоотношения Михаэля с одноклассницами. Ханна повлияла на судьбу своего молодого любовника, хотя этот «комплекс» ненадолго отступит только в студенческую пору, когда Михаэль влюбится и женится на своей одногруппнице, но отношения не сложатся и брак распадётся. Ханна навсегда останется в сердце Михаэля, сначала как любимая, а затем как сладостное и одновременно горькое воспоминание о юношеских утратах.

Важной целью использования в художественном тексте прецедентного феномена может стать желание автора убедительно изобразить эпоху, повысив тем самым уровень достоверности фикционального текста, а также его намерение дать этой эпохе ту или иную оценку.

Например, в романе Уве Тимма «Ночь чудес» („Johannisnacht“), который можно отнести к такому феномену немецкого искусства, как *Nachwendeliteratur*, автор активно использует прецедентные высказывания из речей просоветских политических деятелей.

Значение этого приёма состоит в том, чтобы дать характеристику (чаще негативную) восточногерманскому социалистическому обществу, несколько десятилетий жившему в условиях постоянной пропаганды советской идеологии. Высказывания, казавшиеся политическим идеологам особо острыми и полезными, повторялись как мантра, переходили из одной политической речи в другую, заучивались наизусть, перетекали на плакаты транспарантов. Словно в подтверждение этой мысли персонаж романа (Шпрангер) так отзывается об одних и тех же на протяжении 60 лет статьях в советских газетах:

Beschreibungen, wie der Westen verfault, wie es in der sozialistischen Gesellschaft der UdSSR vorangeht, immer bergauf, bis zur Erschöpfung bergauf, 1928 wie 1988 (Timm, 1998, S. 58). / *Описания, как загнивает Запад, о том, как в социалистическом обществе всё расцветает, всё становится лучше и лучше, до изнеможения, что в 1928, что в 1988.*

К таким прецедентным высказываниям, многие из которых уже можно было считать устоявшимися идеологическими клише, характерными для языка Восточной Германии, можно также отнести встречающиеся в тексте романа: *die Zeit des realen Sozialismus* (*время реального социализма*), *den Plan erfüllen* (*выполнить план*), *Sozialismus mit menschlichem Antlitz* (*социализм с человеческим лицом*). Историки спорят, кто был автором последнего прецедентного высказывания, приписывая его то чехословацкому политику Александру Дубчеку, то чешскому философу и политологу-марксисту Радовану Рихте. Фраза получила широкое распространение в социалистическом обществе; это выражение характеризует попытку либерализации социалистического общества в Чехословакии в 1968 году («Пражская весна»).

Указанные прецедентные высказывания вызывают в памяти реципиентов художественного текста определённые события, не всегда приятные, связанные с невыполненными обещаниями, разрушенными надеждами, обманом власть имущих, поиском новых путей для жизни в изменённых условиях.

Встречаются в тексте романа и прецедентные тексты, высказывания и имена, не связанные с характеристикой политической ситуации и господствующей идеологией в Восточной Европе, но имеющие важное значение для всей немецкоязычной и даже общехристианской европейской культуры. Уве Тимм использует такие прецедентные феномены в качестве стилистических средств для усиления выразительности художественной речи.

Например, употребляется прецедентное имя *Niflheim* (*Нифльхейм*), означающее в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров вселенной, землю льдов и туманов, место обитания ледяных великанов. Автор называет так регион Северной Германии, куда довольно редко заглядывает солнце и вообще очень холодно и ветрено.

Описывая сцену, когда советский полковник во время войны, изрядно выпив, стрелял по бокалам, стоявшим на голове у его советника, автор делает ремарку, что дело здесь не в садизме, просто офицеры играли в Вильгельма Телля и его сына.

Wilhelm Tell (*Вильгельм Телль*) – прецедентное имя, восходящее к легенде о легендарном швейцарском герое XIII-XIV веков, искусном стрелке и борце с несправедливостью, долгое время считавшемся историческим лицом, что, однако, не находит документального подтверждения. По одной из легенд, германский наместник Гесслер заставил Вильгельма Телля стрелять в яблоко, поставленное на голову его сына. Телль не промахнулся. Именно этот эпизод является аллюзией, объясняющей поведение советского полковника. Очевидно, офицер был знаком с легендой и в состоянии алкогольного опьянения так развлекался, изображая героя.

Также в тексте романа были найдены прецедентные высказывания и имена, имеющие отношение к библейским и мифологическим текстам: *Der letzte wird der erste sein. / И последний станет первым* – известное высказывание из Библии, *Proteus* (*Протей*), *Odysseus* (*Одиссей*) – персонажи древнегреческих мифов. Или описание советского ноутбука, который автор охарактеризовал как *ein Computer, den Noah schon beim Besteigen der Arche als veraltet zurückgewiesen hätte* (Timm, 1998, S. 140). / *компьютер, который ещё Ной, поднимаясь на Ковчег, забраковал бы как устаревший*, где *Noah*, *Arche* – прецедентные имена.

Как мы видим, в своём романе Уве Тимм старается оперировать теми прецедентными феноменами, которые наверняка известны читателю, обладают большой культурной значимостью для него и могут потенциально произвести нужное автору (как правило, ироническое) впечатление.

Поэтому здесь также важно отметить, что при чтении произведений иностранной литературы, будь она в оригинале или в переводе, для понимания прецедентных феноменов, для правильного декодирования информации, которую они несут, необходимо, чтобы читатель обладал развитой культурной компетенцией, имел представление об истории, менталитете, национальных ценностях, быте, идеологических установках того народа, о котором идёт речь в книге.

Заключение

Изучив теоретические труды ведущих лингвистов, работающих в области лингвокультурологии, и проанализировав прецедентные феномены, выбранные нами из текстов представленного литературного материала, мы пришли к следующим выводам:

- прецедентные феномены используются в художественном дискурсе как лингвокультурные единицы, с помощью которых писатель имеет возможность транслировать культурные смыслы и коннотации, а также устанавливать со своими читателями интеллектуальное, эмоциональное, ценностное взаимодействие;
- выявленные прецедентные феномены оказывают влияние на читателя художественного произведения, обогащая содержательный, ассоциативный и культурный уровни его восприятия;
- функции прецедентных текстов, высказываний и имён в представленных художественных текстах реализуются в возможности достовернее изобразить эпоху, дать ей определённую характеристику, а также в более детальном описании характеров героев, в необходимости осветить те или иные их черты;
- использование прецедентных феноменов в качестве стилистических средств позволяет писателям обогатить художественную реальность своих произведений.

Таким образом, всё, сказанное выше, показывает, что введение в художественный дискурс прецедентных феноменов можно рассматривать как стилистический приём, позволяющий повысить его содержательную насыщенность, помогающий автору и читателю найти взаимопонимание, установить психологический контакт с помощью всего одного слова или фразы. При этом автор апеллирует к знаниям обеих сторон об истории, культуре, литературе, религии и т. п. Использование писателями лингвокультурных единиц – это своего рода способ дать оценку исторической эпохе, событиям, ситуациям и героям, тем или иным их действиям. Неспособность декодировать прецедентные феномены в тексте может быть причиной неадекватного восприятия содержания произведения и даже его искажения. Предложенные в данной публикации романы известны в практике преподавания немецкого языка и содержат информацию, раскрывающую смысл некоторых прецедентных феноменов. В связи с этим можно выразить надежду, что, ознакомившись с данной статьёй, кто-то узнает имена Фридриха Готлиба Клопштока, Феликса Круля или Вильгельма Телля и раскроет для себя их значимость в соответствующих произведениях.

Подводя итог проведённого анализа, хотелось бы подчеркнуть, что исследования роли прецедентных феноменов, их видов и их культурологической направленности на современном этапе становятся неотъемлемой частью преподавания иностранных языков. Без понимания, осознания того, о каком явлении в исторической или культурной перспективе идёт речь в художественном тексте, невозможно его адекватное восприятие. Представляется, что эта же проблема возникает при просмотре художественных и документальных фильмов, которые давно стали одним из средств обучения иностранному языку. Данные аргументы невозможно опровергнуть, поэтому работа в этом направлении будет оставаться актуальной всегда, что открывает широкие перспективы дальнейшего исследования прецедентных феноменов.

Источники | References

1. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Изд-е 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2020.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987.
3. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
4. Киклевич А. К. Постмодернизм и современная филология // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018.
5. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
6. Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты: монография. М.: Флинта, 2021.
7. Красных В. В. Лингвокультурология как интегративная наука: вчера, сегодня, завтра // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. Вып. 63.
8. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: Филология, 1997. Вып. 2.
9. Крылова М. Н. «Молчит как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // Русская речь. 2017. № 6.
10. Лучинская Е. Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 2.
11. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография. Витебск: Изд-во Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, 2014.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология: история и теория // Русский язык в центре Европы: сб. ст. Банска Быстрица, 2000.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.
14. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: дисс. ... к. пед. н. М., 2003.
15. Шипова И. А. Языковой портрет прошлого в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 2.
16. Язык, культура, творчество: мировые практики изучения: сб. науч. ст. к 90-летию проф. Вероники Николаевны Телля / отв. ред. И. В. Зыкова; под ред. И. В. Захаренко, М. И. Киосе, В. В. Красных, О. В. Соколовой. М.: Гнозис, 2020.

Информация об авторах | Author information**Силаева Екатерина Михайловна¹**¹ Московский педагогический государственный университет**Silaeva Ekaterina Mikhailovna¹**¹ Moscow State Pedagogical University¹ emsilaeva@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 26.03.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): лингвокультурология; прецедентный феномен; культурный фонд; когнитивная база; художественный дискурс; linguoculturology; precedent phenomenon; pool of culture; cognitive base; fictional discourse.